

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова
Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Інститут філософії імені Г.С. Сковороди НАН України
Асоціація Філософського Мистецтва
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Софійський університет імені К. Охридського (Болгарія)
Центр гуманітарної освіти НАН України

**МАЙБУТНЄ
ОСОБИСТОСТІ І СІМ'Ї:
КОНТЕКСТИ
ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ,
ПСИХОАНАЛІЗУ, АРТ-ТЕРАПІЇ
ТА ФІЛОСОФСЬКОЇ ПУБЛІЦИСТИКИ**

**Підхід філософської антропології
як метаантропології**

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

VI Міжнародної науково-практичної конференції

22-23 травня 2019 р.,

що проводить

кафедра культурології та філософської антропології

і лабораторія метаантропологічних досліджень

Факультету філософії і суспільствознавства

НПУ імені М.П. Драгоманова

Київ

КНТ – 2019

УДК 141.319.8:316.614.5(082)

М14

*Рекомендовано до друку Вченою радою
Факультету філософії та суспільствознавства
Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова
(Протокол № 10 від 5 червня 2019 року)*

Рецензенти:

Свириденко Д., доктор філософських наук, професор
Степаненко І., доктор філософських наук, професор
Препотенська М., доктор філософських наук, професор

**МАЙБУТНЄ ОСОБИСТОСТІ ТА СІМ'Ї: КОНТЕКСТИ ФІЛОСОФСЬКОЇ
АНТРОПОЛОГІЇ, ПСИХОАНАЛІЗУ, АРТ-ТЕРАПІЇ ТА ФІЛОСОФСЬКОЇ
ПУБЛІЦИСТИКИ. Підхід філософської антропології як метаантропології:
збірник наукових праць / За ред. Хамітова Н.В. – К.: Інтерсервіс, 2019. – 264 с.**

ISBN 978-966-373-906-9

УДК 141.319.8:316.614.5(082)

М14

У збірнику наукових праць конференції розглядаються питання майбутнього особистості і сім'ї. Значне місце займає розробка методологічних засад дослідження в контексті школи філософської антропології як метаантропології.

Автори опублікованих матеріалів несуть відповідальність за зміст підходів, точність наведених фактів, цитат, імен та інших відомостей.

**Видання підготовлено в лабораторії метаантропологічних досліджень
кафедри культурології та філософської антропології
НПУ імені М.П. Драгоманова і здійснене за сприяння
Асоціації Філософського Мистецтва.**

ISBN 978-966-373-906-9

© Н. Хамітов, С. Крилова, Я. Любивий, Л. Шашкова та ін., 2019.

© Оригінал-макет – Асоціація Філософського Мистецтва, 2019.

ХАМИТОВ Назип,
доктор философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Института философии им. Г.С.Сковороды НАН страны,
Президент Ассоциации философского искусства

**СВЕРХЧЕЛОВЕК И МЕТАЧЕЛОВЕК
КАК ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ЛИЧНОСТИ:
МЕТААНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Проблема

Если мы допустим, что высшими предельными проявлениями человеческого есть героизм, святость и гениальность и обратимся к словам «Гений, Герой, Святой» не просто как к когнитивным метафорам, а к реальностям, тревожащим и будоражающим нас, то возникает вопрос: возможно ли соединение этих качеств в *одной личности*? Если, обращаясь к опыту христианской культуры, мы назовем такую личность *Богочеловеком*, то поднимается новый вопрос о *реальности* объединения святости, героизма и гениальности в человеке современного типа.

Действительно, способен ли наш современник, который с трудом вмещает в себя героизм, святость или гениальность как *отдельные* качества, вместить их триединство? Скорее всего, мы вынуждены ответить на этот вопрос отрицательно. Однако в современных нам людях мы можем увидеть *потенцию* к достижению единства гениальности, героизма и святости. Эта потенция может развернуться в реальность при условии постепенного, *пошагового* разворачивания. Иными словами,

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

соединение Гения, Святого и Героя требует промежуточных эволюционных ступеней. Попробуем предположить возможность соединения качеств триады *Гений – Святой – Герой* по два. Получим *три возможности*:

- 1) *гениальность*, соединенная с *героизмом*;
- 2) *гениальность*, соединенная со *святостью*;
- 3) *героизм*, соединенный со *святостью*.

Очевидно, что *наиболее проявленным в истории человеческого воображения и поступков является путь, соединяющий героизм и святость*. Вспомним Героя любой мифологии, который сражается с Чудовищами Хаоса, – Гильгамеша, Геракла, Тесея. Вспомним образы христианской мифологии – Георгия Победоносца и архангела Михаила. С другой стороны, все личности, оставившие героический след в истории как вожди народов, в той или иной степени пытались окружить себя ореолом святости или хотя бы сакральности. Тут весьма показателен Александр Македонский, объявивший себя сыном Зевса и сам поверивший в это. Такая вера придала ему нечеловеческую жестокость по отношению ко всем, противящимся его воле. На памяти XX века освящение образов таких вождей, как Сталин и Гитлер...

Так идея соединения героизма и святости, столь плодотворная в мифологии, переходя в реальность поступка, приобретает разрушительные черты.

Абсолютное соединение героизма и святости характерно для языческих культур. В христианстве абсолютность этого соединения утрачивается. Пути героизма и святости расходятся, святость обретает собственную стихию. Христианские святые не обязательно герои – часто они

приобретают святость вопреки героическому – властвуя над плотью, они не развивают ее, а умирляют и преодолевают.

Героизм как таковой не становится в христианской культуре основанием для святости. Напротив, святость рассматривается как высший героизм. Неоязыческие тоталитарные режимы XX века могли возникнуть только как отрицание христианства.

Но историческое христианство с его культом святости пыталось соединить устрание от жизни со стихией героизма и воли к власти, с активным *освящением стихии героизма*. Наиболее ярко это проявилось в католицизме. Здесь идея монашества дополняется практикой создания монашеско-рыцарских орденов, создаваемых изначально для ведения крестовых походов. Но эта практика часто приводила к победе *либо* героизма, *либо* святости.

Очевидна невозможность соединить святость и героизм без идеи творчества и гениальности. Только творчество и гениальность как его высшее проявление реально переводят волю к власти и волю к состраданию в некое более высокое качество – *вдохновение*. Святость без идеи творчества есть отчуждающее преклонение перед Божеством, героизм вне гениальности – материальное самовозвеличивание, также приводящее к отчуждению и одиночеству.

Однако *гениальность сама по себе еще не соединяет героизм и святость*. И в той мере, в которой она не может сразу и мгновенно соединиться со святостью и героизмом, актуальными становятся *два первых* пути к Богочеловеку – путь соединения *гениальности и героизма*, а также – *гениальности и святости*.

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

Назовем первый *путем Сверхчеловека*, а второй – *путем Метачеловека*. Что они означают и каково отличие между ними?

1

Идея Сверхчеловека в философии впервые была высказана Фридрихом Ницше. Для него Сверхчеловек выступает следующим эволюционным звеном вида «гомо сапиенс». В этом смысле ценность человека для Ницше – промежуточная. «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – говорит Ницше, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно остаться в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и уничтожение»¹.

Идея Сверхчеловека у Ницше явилась закономерным следствием теорий эволюции конца XIX века, в том числе и теории Дарвина. Если человек произошел от неких звероподобных предков, то необходимо допустить, что его нынешнее состояние может быть представлено как основание для более высокого. Сверхчеловек станет по отношению к современному человеку тем, чем для последнего является обезьяна.

Переполненный желанием превзойти человека и человеческое, Ницше пишет:

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М., 1990. – С. 14.

«Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян»².

При этом Ницше говорит прежде всего об *эволюции воли к власти*, принимающей в конце концов формы *биологического и социального доминирования*. Именно эти черты Сверхчеловека Ницше пытаются воплотить в своем бытии вожди тоталитарных государств XX века. Такое понимание и «бытие» Сверхчеловека приводит к бесчеловечности, *в которой утрачивается и всякое «сверх»*.

Ницше отбрасывает идею Бога, *заменяя* ее идеей Сверхчеловека. Поэтому воля к власти, наполняющая этого Сверхчеловека, приводит его к неспособности очистить волю к власти и направить внутрь себя. Отрицание Бога ведет к отрицанию смысла дальнейшего эволюционирования Сверхчеловека. Сверхчеловек замыкается в себе – в своей смертной телесности и во власти над смертной телесностью.

Но в своем личностном бытии Ницше противопоставляет такому Сверхчеловеку. В его экзистенции соединяются реально существующая гениальность и жажда героизма.

Поэтому если мы захотим найти *конструктивный смысл Сверхчеловека*, то, вероятно, его можно было бы определить как личность, соединившую *гениальность и героизм*.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М., 1990. – С. 14.

Внешняя воля к власти, замкнувшись на себе, приходит к тупику и разрушению. Поэтому *воля к власти над собой*, развивающаяся во вдохновение самосотворения как гениальность, должна быть ведущей в образе Сверхчеловека. Это прекрасно выразил Иван Ефремов:

«Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую в бездну Тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, когда они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники»³.

В идее Сверхчеловека концентрируется то могущество по отношению к природе и миру, которым не обладает сегодняшний человек. Это подъем на новую высоту общения с миром и преодоления противоречий мира. Поэтому П.Д. Успенский абсолютно прав, когда говорит о глубочайшей древности идеи Сверхчеловека. «Народная мудрость всех веков и племен понимала, что человек, каков он есть, не способен сам устроить свою жизнь; народная мудрость никогда не считала человека достижением, венчающим творение. Она правильно оценивала место человека, принимала и допускала ту мысль, что могут и должны быть существа, которые, хотя они тоже

³ Ефремов И. Таис Афинская. – К., 1993. – С. 380.

являются людьми, все же стоят гораздо выше обыкновенного человека, сильнее его, сложнее, «чудеснее»»⁴.

Культура Европы Нового и Новейшего Времени, сделав своим ведущим началом эмпирическую науку, отчуждается от идеи Сверхчеловека. Живая мощь сверхчеловеческого начала, которая лучится из всех мифологий, не может проникнуть в мир, отгородившийся от действительности стеной вульгарного рационализма. «Лишь тупая и стерилизованная мысль последних столетий европейской культуры, – говорит Успенский, – утратила соприкосновение с идеей сверхчеловека и поставила своей целью человека, каков он есть, каким он всегда был и всегда будет. За этот сравнительно короткий период европейская мысль так основательно забыла идею сверхчеловека, что когда Ницше бросил ее Западу, она показалась новой, оригинальной и неожиданной. В действительности же она существовала с самого начала известного нам человеческого мышления»⁵.

Вместе с тем Успенский показывает, что идея Сверхчеловека постоянно всплывает в любом времени. Она спит в коллективном бессознательном, готовая пробудиться и овладеть умами. «Что такое «наполеоновская легенда» и все сходные с ней легенды, как не попытка создать новый миф о сверхчеловеке? Массы по-своему еще живут с идеей сверхчеловека; их не удовлетворяет человек каков он есть; и

⁴ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. – Спб., 1993. – С. 128.

⁵ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. – Спб., 1993. – С. 128.

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

литература, предназначенная для масс, неизбежно преподносит им сверхчеловека»⁶.

Но внешнего могущества недостаточно для обретения конструктивного смысла Сверхчеловека. Такое могущество приводит к нарушению гармонии человека со средой и к трагическому финалу, который завершается счастливым концом лишь в романах и фильмах. Необходимо внутреннее могущество, могущество собственного духа, переход воли во вдохновение. Именно это порождает Сверхчеловека в конструктивном смысле этого слова. Но такой переход бесконечно сложен. Во вдохновении часто утрачивается героизм и внешнее могущество. С другой стороны, и стихия вдохновения поглощается волей к власти над внешним миром. Лишенные святости, гениальность и героизм с трудом соединяются вместе.

Именно поэтому путь Сверхчеловека как путь соединения гениальности и героизма должен быть *уравновешен другим путем*.

3

Под Метачеловеком можно понимать то запредельное состояние человеческого, в котором соединяется гениальность и святость. Это соединение означает одушевление гениальности, входящей в стихию нравственного, и одухотворение святости, перестающей быть лишь пассивным подчинением извне заданным нравственным заповедям.

⁶ Там же.

Гениальность становится более плодотворной. Возрастает терпимость по отношению к идеям предшественников и современников, проявляется желание *концентрироваться на моменте сходства, а не различия*. Критика идей заменяется их развитием; отрицание возвышается до синтезирования.

В святость же входит идея творчества, поднимая ее от жалости к мировому несовершенству до любви к совершенствующемуся. *Любовь-преклонение* перед Абсолютом доводится до *любви-самосотворения*, которая возвышает к Абсолюту.

Исходя из всего сказанного, можно предположить, что Метачеловек есть результат эволюционирования женского начала; метачеловеческое поэтому с необходимостью соединяется со сверхчеловеческим как мужским. Это единство и составит богочеловеческое.

Однако тут необходимо сделать несколько принципиальных замечаний.

4

Мужское начало должно развивать в себе и *сверхчеловеческое, и метачеловеческое*. То же самое касается и женского начала. Лишь в этом случае их соединение будет соединением не необходимости, а свободы. Именно такое соединение мы можем назвать андрогинным – действительной любовью-целостностью, побеждающей скуку обыденности и тоску предельного бытия.

И все же мы можем говорить об устремленности к метачеловеческому *от* сверхчеловеческого и наоборот. Вероятно, в разных личностях первичным будет *либо*

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

сверхчеловеческое, *либо* метачеловеческое. При этом сверхчеловеческое и метачеловеческое не обязательно совпадают с физиологическим полом – именно потому, что в конце концов они должны соединиться в одной личности независимо от ее пола.

В наше время становится особенно очевидным несовершенство человека и его беспомощность по отношению к им же самим созданным силам. Нарастает и множится экологический кризис. Появляются и эволюционируют специфические болезни цивилизации XX века, например СПИД. Вместе с тем мы становимся свидетелями духовного кризиса современного человека, заключающегося в том, что технический и моральный прогресс противоречат друг другу. Слова П. Д. Успенского удивительно точно выражают ситуацию:

«Человек – по преимуществу переходная форма, постоянная только в своих противоречиях и непостоянстве, движущаяся, становящаяся, изменяющаяся на наших глазах. Даже без какого-то особого исследования ясно, что человек – совершенно не определившееся существо, сегодня иное, чем вчера, завтра иное, чем сегодня. В человеке борется столько противоположных начал, что их совместное гармоническое существование, гармоническое сочетание совершенно невозможно. Этим объясняется, почему невозможен «положительный» тип человека»⁷.

Необходимость духовной эволюции все более открывается мыслителям XX века как необходимость

⁷ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. – С. 132.

выживания вида «гомо сапиенс». Способ мышления Нового Времени, представляющий человека абсолютно законченным существом, которое нужно «просветить» о своей природе, отходит в прошлое. Успенский так характеризует его:

«...Обычное мышление склонно считать человека более законченным типом, чем он является в действительности. Такой же наивный взгляд на человека лежит в основе современных социальных наук и теорий. Все эти теории имеют в виду только человека и его будущее. Они хотят или стремятся предвидеть будущее человека и рекомендуют лучшее, с их точки зрения, чтобы организовать жизнь человека, дать человеку счастье, освободить от ненужных страданий, от несправедливости и т. д. Но люди не видят, что попытки насильственного применения таких теорий к жизни приводят в результате только к увеличению страданий и несправедливости»⁸. Однако эволюция личности как духовная и душевная эволюция человека не есть процесс, подобный росту дерева, совершающийся сам собой, без осознания и усилий. «У человека такая эволюция может быть только сознательной, – пишет Успенский. – Бессознательно у него происходит только вырождение»⁹.

Идея духовного и душевного эволюционирования человека, символически выраженная нами в образах Богочеловека, Сверхчеловека и Метачеловека, не может стать некой социальной утопией. Духовное и душевное эволюционирование и выбор пути эволюционирования – *дело*

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 136.

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

свободной персоны. Мы можем лишь констатировать неизбежность такой эволюции и описать возможные противоречия на ее пути.

Одним из фундаментальных противоречий эволюции личности является противоречие сверхчеловеческого и метачеловеческого.

5

Сверхчеловеческое – даже в его конструктивном смысле – весьма сильно дискредитировало себя в XX веке. Ведь именно вожди тоталитарных общностей XX века пытались соединить в своем бытии «гениальность» и «героизм», выделяя себя в особый тип человека. С другой стороны, именно идея метачеловеческого как соединения гениальности и святости в нашем столетии весьма плодотворно проявила себя в целом ряде мыслителей и государственных деятелей Запада и Востока. Это путь ненасилия, свободы личности и всеединства Николая Бердяева, Шри Ауробиндо, Индиры Ганди, Мартина Лютера Кинга.

Однако мы все же должны говорить о *синтезировании* сверхчеловеческого и метачеловеческого начал, потому что именно соединение этих начал может означать *действительное преобразование человеческой природы*. Только разрешение противоречия сверхчеловеческого и метачеловеческого, а не бегство от него, может выводить человечество к той эволюции личности, триумфу самосотворения, которая способна преодолевать глобальные проблемы человечества на пороге III тысячелетия. Эти проблемы можно преодолеть лишь с *позиций принципиально более высокой духовности и душевности*.

Именно поэтому противоречие сверхчеловеческого и метачеловеческого может быть названо *основным противоречием нашего времени*.

Бегство от противоречия сверхчеловеческого и метачеловеческого – это бегство от эволюции и свободы человека. Более того, это бегство от самой жизни. Это бегство от жизни, понятой как нечто биологическое, и бегство от подлинно человеческой жизни – *духовной и душевной, жизни личности*.

Напротив, мужество осознания противоречия сверхчеловеческого и метачеловеческого и многообразия способов его разрешения в разных культурах – важнейшее доказательство того, что наш вид действительно является *человеком разумным* и в XXI веке способен не только выжить, но и выйти на новую ступень эволюции.

ВЫВОДЫ.

Эволюция личности: тенденции будущего

1. Под сверхчеловеческим можно понимать соединение гениальности и героизма, под метачеловеческим – соединение гениальности и святости. В своем единстве эти начала и порождают соединение гениальности, святости и героизма, которое может быть понято *лишь как единство мужского и женского начал и выход за их пределы*.

2. Все это позволяет нам углубить понятие духовной и душевной эволюции как эволюции личности. Духовная эволюция человека и его душевная эволюция во многом соответствуют тому, что мы назвали сверхчеловеческим и метачеловеческим. Если духовность трактовать как

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

доминирующий принцип мужского, а душевность – как *доминирующий принцип женского*, то сверхчеловеческое и метачеловеческое могут быть поняты как пути развития мужского и женского. И вместе с тем они должны соединяться в *каждой* личности.

3. Единство сверхчеловеческого и метачеловеческого в эволюции каждой личности предполагает и телесное преобразование человека, ибо *более целостное содержание* требует новой формы.

4. Итак, духовная и душевная эволюция как эволюция личности в своей перспективе есть объединение сверхчеловеческого и метачеловеческого начал в личности Богочеловека, что приводит к глубинному изменению бытия мужчины и женщины. Это освобождение мужского и женского *от замкнутости в своих пределах*. Их взаимоотношения становятся взаимоотношениями не необходимости и зависимости, а свободы. В этом – истинное разрешение трагического противоречия мужского и женского, глубинное преодоление одиночества и сиротства человека в Бытии.

Понятая таким образом, духовная и душевная эволюция наполняет смыслом бессмертие личности и поднимает любовь мужчины и женщины над стихией обыденности и времени.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи / Н. Бердяев // Философия свободного духа. – М., 1994.
2. Гончаренко Н. Гений в искусстве и науке / Н. Гончаренко. – М., 1991.

3. Киселев В. Мартин Лютер Кинг: путь ненасилення // Філософська і соціологічна думка / В. Киселев. – 1995. – № 3-4.
4. Ницше Ф. Так говорив Заратустра / Ф. Ницше. – М., 1990.
5. Тоффлер Э. Шок будучого / Э. Тоффлер. – М., 2002.
6. Успенский П. Новая модель Вселенной / П. Успенский. – СПб., 1993.
7. Філософська антропологія: словарь / Под редакцією Н. Хамітова. Видання 2-е. – К.: КНТ, 2014.
8. Фролов И. Г. Перспективы человека / И. Г. Фролов. – М., 1983.
9. Фромм Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
10. Хамитов Н. Сверхчеловек и Бог / Н. Хамитов // Філософська і соціологічна думка. – 1995. – № 3-4.
11. Хамітов Н.В. Майбутнє екзистенціалу «свобода»: гендерні виміри // Людина в цивілізації ХХІ століття: проблема свободи / Н.В. Хамітов. – К., 2005.
12. Хамитов Н., Крылова С. Філософський словарь. Человек и мир / Н. Хамитов, С. Крылова. – К., 2006.
13. Хамитов Н., Крылова С. Этика: путь к красоте отношений. Метаантропологический анализ / Н. Хамитов, С. Крылова. 4-е издание, дополненное и переработанное. – К.: КНТ, 2017. – 264 с.
14. Хамітов Н.В. Філософська антропологія: актуальні проблеми. Від теоретичного до практичного

ПІДХІД ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ ЯК МЕТААНТРОПОЛОГІЇ

повороту. 3-є видання, виправлене і доповнене / Н.В. Хамітов.
– К.: КНТ, 2019. – 394 с.

15. Харарі Ю.Н. Людина розумна. Історія людства від минулого до майбутнього. Друге видання / Ю.Н.Харарі, – Харків. Клуб сімейного дозвілля, 2018. – 444 с.